

Е.С.Острирова

Формирование национального самосознания через призму истории древних индейских культур Колумбии

В статье рассматривается процесс формирования национальной колумбийской историографии XIX в. на примере изучения самой известной доиспанской цивилизации на территории страны — чибча-муисков. Огромное влияние на этот процесс оказали политические взгляды исследователей, их оценка столкновения индейской и европейской цивилизаций в XVI в., а также их видение путей консолидации колумбийской нации, затянувшейся почти на целое столетие.

Ключевые слова: историография, национализм, муиски, чибча, политический строй, экономика, мифология

Для стран Латинской Америки XIX в. — это век борьбы с метрополией, время образования независимых государств и национального самоопределения.

Становление исторической науки в Колумбии начала XIX в. было напрямую связано с социально-политической ситуацией в мире и на континенте. Именно эта страна воодушевила всю Латинскую Америку на борьбу с колониальным режимом: колумбийские патриоты 19 апреля 1810 г. подняли бунт в г. Каракасе, столице генерал-капитанства Венесуэла, а 20 июля 1810 г. в Боготе вспыхнуло восстание, положившее начало Войне за независимость. Последующая история Колумбии — это цепь постоянных внутренних и внешних конфликтов, поиск путей самоопределения и консолидации зарождающейся нации.

Внутренние конфликты были обусловлены разногласиями между крупными землевладельцами, военными и буржуазией. Их взгляды представляли две основные партии — либеральная и консервативная. Либералы выражали интересы зарождавшейся торгово-промышленной буржуазии, средних и мелких землевладельцев, части среднего и высшего офицерства. Консерваторы представляли аристократическую элиту, крупных латифун-

Елена Сергеевна Острирова — аспирантка Российского государственного гуманитарного университета (maraveriza@gmail.com).

дистов, верхушку армии, высшую церковную иерархию. Обе партии организационно оформились в одно и то же время: либеральная в 1848 г., консервативная в 1849 г.

В зависимости от того, какая партия находилась у власти, в стране менялся политический курс. В XIX в. произошло более 50 военных столкновений, что тормозило процесс консолидации и оформления национальной идеологии. Всю вторую половину XIX в. шел поиск адекватного названия страны. В 1832 г. было восстановлено колониальное наименование — Новая Гранада (независимая республика Новая Гранада), в 1858—1861 гг. страна была объявлена Гранадской конфедерацией, в 1861—1886 гг. — Соединенными Штатами Колумбии, а в 1886 г. она обрела нынешнее название — Республика Колумбия. В этих условиях и происходило становление национальной исторической науки в Колумбии, в том числе изучение индейских культур.

До начала XIX в. история индейцев была отражена испанскими и колумбийскими авторами в хрониках и сообщениях, которые носили утилитарный характер: писались «по заказу» метрополии или местной администрации, чтобы дать представление о быте, экономике, языке индейцев. Описание культуры муисков — самой известной доиспанской культуры современной Колумбии, — их истории, быта и традиций можно найти во многих хрониках периода завоевания Нового Света¹.

Особенно стоит отметить сочинения монаха-францисканца Педро Симона «Исторические известия о завоевании Материковой земли» и труд епископа Санта-Марты, иезуита Фернандеса да Пьедраиты «Общая история завоевания королевства Новой Гранады». Произведение Педро Симона всегда привлекало внимание исследователей, поскольку автор много ездил по Колумбии, описывая свои наблюдения. Сочинение Пьедраиты вызвало множество дискуссий из-за оригинальных идей автора — например, по поводу сходств между политеистическими верованиями муисков и христианством. Авторы XIX в. часто ссылаются на хроники Симона и Пьедраиты, цитируя их данные об индейских культурах.

В конце XVIII в. появилось исследование, во многом определившее дальнейшее развитие историографии культуры муисков. Монах Доминго Дукесне написал «Диссертацию о календаре муисков, посвященную сеньору Мутису» (1795 г.)². В ней он попытался расшифровать несколько надписей на камнях, имевших, с его точки зрения, астрономическое значение, а также доказать, что у данного индейского народа существовали иероглифическая письменность и календарь. Многие современники и исследователи позднейшего времени не приняли аргументацию Дукесне. Таким образом в XIX в. сформировалось «два оппозиционных лагеря»: историки, оценивавшие культуру муисков как одну из самых развитых в Новом Свете, использовали сочинение Доминго Дукесне как образец, даже если и подвергали критике некоторые его положения, и те, которые хотя и считали эту культуру развитой, но не признавали работу Дукесне достойной цитирования³.

К концу колониального периода ситуация меняется. На колумбийскую литературу конца XVIII в., как и на мировую в целом, огромное влияние оказали авторы эпохи Просвещения и деятели Французской революции. От жанра хроник и сообщений исследователи переходят к

произведениям в духе революционно-патриотического классицизма, а чуть позже романтизма (одам, элегиям, памфлетам и др.).

Колумбийские авторы-романтики, переняв европейское увлечение идеями о «национальном духе», особое внимание уделяли описанию быта и нравов. Истории об индейцах, их борьба с испанскими захватчиками идеально вписывались в «национальный пейзаж». Именно в это время в русле романтической традиции возникло движение «индихенизма», представители которого высоко оценивали индейское прошлое своей страны. Авторы-романтики обратились к истории муисков: Хосе Хоакин Борда воссоздал в романе «Сулма» религиозные практики индейцев муиска, в частности человеческие жертвоприношения в Храме Солнца в Согамосо, который был разрушен испанцами, но описан многими хронистами. Просперо Перейро — автор романтических романов «Акимен Саке» и «Завоевание Тунхи» — обратился к истории военных столкновений индейцев и конкистадоров, превознося героизм первых.

На страницах журнала «Papel Ilustrado» появляются материалы, посвященные восхвалению индейских вождей, сопротивлявшихся испанцам, — их боевому духу, мужественности, непреклонности и пр. Но это были еще не научные исторические исследования, а публицистика и поэзия с яркой антиколониальной направленностью. Образ индейца-борца за свободу креольская интеллигенция использовала как символ сопротивления метрополии⁴. Колумбийский историк Карл Лангебайк, анализируя связь между настроениями элиты и исследованиями индейских культур в Колумбии XIX в., пришел к выводу, что именно эта романтическая традиция начала века, а также создание независимого государства ознаменовали собой зарождение национализма⁵.

В первой четверти XIX в. интерес к изучению индейских культур угасает, что обусловлено сложной политической и экономической ситуацией, а также военными действиями. Кроме того, опасность индейских восстаний охладила пыл исследователей. Креольская элита, боровшаяся за независимость, до войны поддерживала действия короны, направленные против индейских социальных движений. Поэтому в некоторых районах Новой Гранады противостояние между креолами и индейцами было сильнее, чем между креолами и короной. К тому же в Колумбии не было необходимости поднимать индейцев на войну с метрополией, так как автохтонное население не было столь многочисленным, как в Мексике. Двусмысленная позиция креольской верхушки по отношению к индейскому населению нашла отражение в политике лидеров Войны за независимость. К примеру, революционер и венесуэльский политический деятель Франсиско де Миранда считал войну с метрополией продолжением борьбы индейцев с «угнетателями». Он был сторонником политики сближения креольского и индейского населения, сплочения всех перед лицом врага. Симон Боливар, напротив, не предполагал активного участия индейцев и презрительно относился к идеализации истории. Антонио Нариньо, колумбийский политический лидер начала XIX в., заявлял, что борьба за независимость не означает отказ от испанских корней, испанского языка, любви к европейским традициям. Все это, а никак не индейскую культуру, он видел основой американской нации.

Новый этап исследований доиспанских культур возникает в середине века в связи с публикацией отчетов путешественников. В начале XIX в. появляется большое число записок иностранцев: особую известность получили заметки немецкого ученого и путешественника А.Гумбольдта «Кордильеры и памятники туземных народов Америки» (1810 г.), сочинение французского исследователя И.Паравея «Заметки о происхождении народов Боготинского плоскогорья от японцев, арабов и басков» (1835 г.) и др.⁶

Внимание интеллигенции привлекало несколько проблем, напрямую связывающих историю автохтонного населения Колумбии и судьбы колумбийской нации XIX в. Освобождение от колониального гнета и создание независимого государства стали началом процесса формирования колумбийской нации: появились общие границы, общий язык и возникла необходимость создать общую культуру и написать национальную историю. Поэтому особое значение приобретает проблема «воссоединения» истории разных периодов и разных групп населения, поиска корней. Она же в свою очередь порождает множество вопросов, среди них хотелось бы отметить те, которые напрямую повлияли на развитие историографии муисков:

— вопрос о «индейской расе»: проблема оценки уровня развития доиспанского населения;

— вопрос о роли культуры муисков (и индейской культуры в целом) в процессе формирования колумбийской нации; оценка потенциала индейской и метисной составляющих;

— проблема оценки конкисты и ее последствий.

Обычно колумбийскую историографию XIX в. рассматривают в ключе противостояния двух основных политических партий — либеральной и консервативной. Либералы делали акцент на индейской доколониальной истории, а консерваторы — на колониальной, тем самым отвергая идею о целостности истории доиспанского и колониального периода.

После войны за независимость многие либерально настроенные исследователи обратились к идеализации индейской истории и образа доиспанского населения. Подобная идеализация была прежде всего орудием в борьбе с католической церковью, так как неизменно влекла за собой отрицательное отношение к Конкисте, христианизации «огнем и мечом», деятельности орденов в Новом Свете и уничтожению автохтонного населения. Безусловно, данная дискуссия была не нова. Еще колониальные авторы (хронисты, публицисты) активно спорили на эти темы, но в XIX в. в Колумбии основной причиной возобновления дискуссии был, прежде всего, экономический фактор: креольская элита выступала за перераспределение владений католической церкви, а для этого необходимо было ее дискредитировать.

В то же время авторы, придерживающиеся консервативных воззрений, считали, что христианизация, также как привнесенные язык и культура, стали главными факторами объединения колумбийской нации⁷. Таким образом, они отстаивали идею положительной роли церкви и последствий Конкисты. Проблема становления и самоопределения колумбийской нации, которая не могла не стоять в стране, четырежды менявшей свое название в течение столетия, также по-разному рассматривались в исторических произведениях. Либерально настроенные авторы делали акцент на

индейской или метисной составляющей колумбийской нации. Они отсчитывали ее становление от доколумбовых культур (прежде всего муисков, как культуры, считавшейся самой развитой на территории Колумбии на момент Конкисты).

Консерваторы же делали акцент на европейской (креольской) составляющей и часто настаивали на идее неполноценности индейцев и метисов (в подобных произведениях чувствуется влияние расовой теории)⁸. Однако стоит отметить, что и либералы, и консерваторы понимали необходимость обоснования идеи национального единства и преемственности исторического развития.

Во второй половине XIX в. проблема вышла уже на государственный уровень, и либеральные правительства приняли несколько законопроектов о защите национального наследия. Кроме того, в 1850 г. была создана Колумбийская картографическая комиссия, а в 1853 г. открыт Национальный музей. Началась публикация хроник и документов, появились первые монографии, посвященные индейским культурам, где нашло отражение и упомянутая дискуссия. Речь идет о трудах таких исследователей, как Хоакин Акоста («Историческое изложение открытия и колонизации Новой Гранады в XVI веке», 1848 г.), Истикьяр Урикочеа («Записки о древностях Новой Гранады», 1854 г.), Либорио Серда («Эль Дорадо», 1883 г.) и Висенте Рестрепо («Чибча перед испанским завоеванием», 1888 г.).

Хоакин Акоста (1800—1852 гг.) инженер по образованию, изучал в Европе геологию и минералогию. Вернувшись на родину, начал политическую карьеру, которая сложилась более чем удачно: с 1843 по 1845 г. он был министром иностранных дел в консервативном правительстве Педро Алькантара Эррана. После этого Акоста вновь отправился в Европу, где занялся картографией, работал в Архиве Индий и издал «Историческое изложение открытия и колонизации Новой Гранады в XVI веке»⁹.

Идея написания труда, посвященного истории индейского населения и завоевания, возникла у него во многом под влиянием Уильяма Прескотта — североамериканского исследователя, издавшего в 1843 г. «Историю завоевания Мексики», а в 1847 г. — «Историю завоевания Перу»¹⁰.

По мнению ряда авторов¹¹, стиль сочинения Акосты не соответствует романтической традиции Прескотта. Акоста умерен в эпитетах, ему не свойственны излишний драматизм и идеализация. Он старался во всем следовать «фактам». Акоста не стремился к обобщениям и пространным рассуждениям, а предпочитал «эмпирическое знание реальности»¹², «возвращение к источникам»¹³, которые могли бы помочь реконструировать историю страны.

Целью написания «Исторического изложения» для автора было «понимание того, в каком состоянии Европа обнаружила различные регионы Америки в эпоху завоевания», описание раннеколониальных институтов и их дальнейшую эволюцию. Все это, по его мнению, «имеет огромное влияние на характер многих независимых государств нового континента», а также «является значимым в современных социальных и политических дискуссиях» и образовании молодежи¹⁴.

Изложение событий в произведении начинается с первых открытий севера Южной Америки (с 1529 г.) и доходит до 1579 г. — даты смерти основателя Новой Гранады Хименеса де Кесады. Это произведение не является первой научной монографией, посвященной муискам, так как главная цель автора — изучение истории завоевания. Но тем не менее отдельная глава посвящена именно муискам. В ней Акоста подробно описывает территорию расселения этого народа, дает характеристику политическому устройству, религиозным представлениям и практикам, мифологии, военному делу и вооруженным конфликтам с соседями, традициям и обычаям, а также рассказывает о системе земледелия и торговли.

Народ муисков описывается им как «мудрый и трудолюбивый». Акосту поражает тот факт, что они смогли прекрасно организовать свою жизнь и быт без многих определивших развитие европейской цивилизации факторов, в частности тягловых животных, гончарного круга и т.д.

По мнению К.Лангебайка¹⁵, данная работа носит двойной характер. С одной стороны, как человек, немало времени проведший в Европе, поклонник европейской культуры, Акоста оценивал испанское завоевание положительно, считая, что местное население встретило европейских искателей приключений враждебно, а завоеванные земли «жаждали» открытия. Но, с другой стороны, как государственный деятель и патриот, он считает необходимым заполнить «белые пятна» истории, чтобы открыть древнюю историю Новой Гранады.

Исикьер Урикоичеа (1834—1880 гг.) — основатель Колумбийского сообщества натуралистов, один из организаторов французских журналов «Эль Мундо Американо» и «Эль Американо». В 1854 г. в возрасте 20 лет он издал свои знаменитые «Записки о древностях Новой Гранады», а в 1871 г. «Граматику и словарь языка чибча»¹⁶.

«Записки о древностях Новой Гранады» — первая работа, практически полностью посвященная культуре муисков и разностороннему ее анализу. Автор использовал не только хроники (в том числе неопубликованные), но и памятники искусства (золотые амулеты) и коллекцию предположительно чибчианских черепов, прорисовки которых он впервые опубликовал.

Урикоичеа последовательно анализирует данные по этнологии и этногенезу чибча, рассматривает проблему заселения нынешней территории, а также оценивает ее доиспанские размеры и границы. По его мнению, территория «королевства чибча» и плотность населения на момент прихода испанцев была приблизительно на том же уровне, что и во многих государствах Европы XVI в. Важно отметить, что автор считает экологические особенности данного региона залогом высокого уровня развития местного населения.

Схема, по которой описывается культура муисков, довольно проста: от этногенеза и территориального устройства он переходит к исторической справке (полностью заимствованной из хроник, прежде всего у Педро Симона) и политическому устройству. Главная идея, которой подчинено все это описание, заключается в том, что муисками правили вожди, наделенные неограниченной властью, принимавшие «мудрые законы», например, против роскоши или призванные сохранить поголовье оленей¹⁷, и которые были на пути создания сильной империи, если бы им не помешало испанское завоевание.

Еще один раздел посвящен мифологии и религии. Урикоичеа повторяет схему изложения, которую ввели еще хронисты, а потом заимствовал Акоста: от сотворения мира и мифе о культурном герое Бочика до «современных» мифологических бытовых представлений. Как и Х.Акоста, Урикоичеа считает, что миф о потопе, распространенный у чибча и их соседей, показывает очевидную связь между формированием андской горной цепи и религиозными представлениями чибча¹⁸.

Кроме того, в данной главе автор отступает от своего позитивного видения культуры чибча, что вполне понятно: как христианин, он не мог не отметить «варварство этих язычников» — особенно человеческие жертвоприношения (у муисков эти обряды совершались только раз в 15 лет и были связаны с солнечным культом и аграрным циклом). Таким образом, даже признав варварский характер некоторых обычаев и ритуалов индейцев, Урикоичеа отмечает наличие у них календаря — одного из важнейших, по его мнению, критериев цивилизации.

Автор уделяет особое внимание проблеме отсутствия храмовых комплексов: муиски, достигшие уровня «высоких цивилизаций», не оставили монументальной архитектуры. Урикоичеа нашел несколько причин этому. Прежде всего, у чибча были распространены естественные святилища (чаще всего на водоемах), а кроме того именно конкистадоры «приложили руку» к гибели памятников монументальной архитектуры: «уничтожая ритуальные центры и все связанное с ними, испанцы должны были вырывать с корнем все, что относилось к идолопоклонничеству, но не должны были уничтожать памятники древности и то, что могло бы рассказать нам об истории чибча»¹⁹.

Последняя часть описания Урикоичеа посвящена быту, земледелию и торговле муисков. Здесь он полностью сохраняет план изложения Акосты, поддерживает его идею о наличии у чибча настоящего денежного обмена (что подчеркивает их высокий уровень развития и выделяет среди других культур Нового Света, так как более нигде подобного не отмечалось). Урикоичеа дополняет рассуждения Хоакина Акоста своими заключениями об огромной роли товарообмена в развитии государства муисков.

Колумбийский ученый **Либорио Серда**, ученик Х.Акосты, в течение шести лет (1892—1898 гг.) был министром народного образования в консервативном правительстве. Его работа «Эль Дорадо»²⁰, посвященная культуре муисков, печаталась в течение трех лет, начиная с 1882 г. в издании «Papel Periódico Ilustrado». Это исследование истории, этнографии и археологии древнейших обитателей Боготинского плоскогорья, а также индейцев панче, чокоз, индейцев Антиокии. Целью работы был «анализ традиций, мифологии, политической системы»²¹. Изучение доиспанской истории, по мнению Серды, это не только научная, но и национальная проблема.

Как Урикоичеа и Паравей, Серда большое внимание уделил связям между мифологией, традициями и языком местного населения и другими племенами, происхождению индейцев Колумбии и автохтонного населения Америк в целом.

Он проанализировал данные хроник и археологии о быте и традициях, религиозных практиках, пантеоне, а также социально-политическом уровне и функционировании общественных институтов муисков. Особое вни-

мание автор уделит развитию ювелирного дела у этих индейцев, вопросам физической антропологии и лингвистики.

В своем анализе культуры чибча Серда выделил несколько центральных проблем.

1. Являлся ли народ чибча в середине XVI в. единой нацией?

Автор считает преувеличением мнение о том, что чибча на тот момент были единым этносом (Серда употребляет термин «нация»): «нация чибча — это множество народов»²². Безусловно, имело место культурное единство, связанное прежде всего с тем, что индейцы, населявшие территорию Боготинского плато, говорили на языках, принадлежащих к одной семье, а также с разнообразием климатических зон и высококоразвитым обменом.

2. Что представляла собой политическая система муисков?

Этот вопрос имел огромное значение для автора, так как был напрямую связан с проблемой оценки уровня развития чибча. Как и другие ученые, Серда использовал сообщения хроник о политическом устройстве этих земель: «Их власть, далекая от того, чтобы назвать ее централизованной, какой была, например, теократическая монархия Куско, очень похожа на федеративную систему»²³. Серда акцентирует внимание на взаимоотношениях светских правителей чибча и религиозных «лидеров». «Политические и социальные институты чибча, как и у многих других народов, находившихся в похожих условиях, были самыми простыми, так как у индейцев не были развиты представления о независимости светской власти от духовной...»²⁴.

Серда приходит к выводу о незрелости политического строя и децентрализованности правления. Как сторонник идеи унитарного государства, он считает, что сильная власть и централизация — это синоним и залог высокого уровня политического развития государства.

3. Что стало причиной более высокого уровня развития индейцев чибча по сравнению с другими племенами, населявшими Колумбию?

Для автора этот вопрос является центральным. Так, его особенно интересуют культурные различия между народами, которые объяснялись различными стадиями их исторического развития. Кроме того, Серда, как сторонник идей диффузионизма и идеи обусловленности уровня развития народа средой его обитания, задается следующим вопросом: «Почему развитые и продвинутые цивилизации, такие, как цивилизация инков и цивилизация чибча, появляются именно в Андском регионе?»²⁵. Что касается индейцев чибча, Серда видит причину их исключительного для Нового Света уровня развития в том, что территория, населенная этими индейцами, находится между империями инков и ацтеков. Промежуточное положение между Северной Америкой и Карибами с одной стороны и Южной Америкой — с другой, расселение местных индейцев на территории, где пересекались волны миграций, — все это было причиной смешения разных культур и традиций, притока «новой крови», что, по мнению автора, является главным стимулом культурного развития. В целом же исследователь считает «народ чибча» «развитой цивилизацией, одной из ярчайших среди американских цивилизаций»²⁶.

Висенте Рестрепо (1837—1899 гг.) — колумбийский исследователь и политический деятель, написавший три крайне важные для колумбийской историографии работы. В 1883 г. он опубликовал «Изучение золотых и

серебряных месторождений Колумбии»²⁷, в 1892 г. вышла «Критика работ Доминго Дукесне, посвященных археологии»²⁸, а в 1895 г. была опубликована работа «Индейцы Чибча до испанской конкисты»²⁹.

Сочинение «Индейцы Чибча до испанской конкисты» состоит из пролога и 19 глав, в которых автор дает системное описание доиспанской культуры чибча. В конце XIX в. это было самое полное и систематизированное исследование. Рестрепо использовал все доступные виды источников — хроники и памятники материальной культуры. Сообщения хроник он попытался подвергнуть критике — сопоставлял свидетельства различных документов, чтобы определить, насколько можно доверять тому или иному автору.

Целью ученого было написание «правдивой истории» цивилизации чибча. Рестрепо выступал против излишнего и надуманного восхваления этой культуры, считая, что подобные суждения строятся в основном на догадках и предположениях. Рестрепо акцентировал внимание на критике самых частых заблуждений и ошибок. Прежде всего она была направлена против работы Дукесне, на которую впоследствии ориентировались и ссылались историки XIX в. Автор считает, что все «смелые выводы» Дукесне основаны исключительно на его богатом воображении. Эту черту (по определению Рестрепо — «изобретательный метод») наследовала и «школа Дукесне». Главный постулат тех, кто калькировал тексты Дукесне, а также хрониста Пьедраиты, — идея о высоком уровне развития цивилизации чибча: «Превозносились ученость их жрецов, продвинутое познание в архитектуре, особые свойства духовной и материальной культуры, способствовавшие развитию цивилизации»³⁰. Поэтому, по мнению автора, необходимо было задать новое направление исследования истории и культуры чибча и Колумбии в целом, потому как иначе история так и будет запутанной и полной домыслов.

Структура его исследования не претерпела существенных изменений по сравнению с работами Х.Акосты и И.Урикоичеа. Как и все авторы, Рестрепо уделяет основное внимание этногенезу, описанию территории расселения индейцев, пересказу политической истории — т. е. истории отношений муисков и их соседей, военных конфликтов, смене правителей, конфликтам между правителями и системе подчинения.

Рестрепо начинает произведение с опровержения наиболее дискуссионных проблем истории чибча, прежде всего, оценки испанского завоевания. Х.Акоста, а вслед за ним и Урикоичеа считали, что Конкиста и уничтожение испанцами индейских древностей сильно усложнили постижение индейской истории и культуры; последний, в частности, утверждал, что именно из-за этого индейские культуры Южной Америки находятся «во мраке и забвении»³¹. В ответ на это Рестрепо замечает, что именно конкистадоры одними из первых стали записывать свои наблюдения за жизнью индейцев, благодаря чему мы сейчас имеем множество свидетельств очевидцев об этих культурах (прежде всего речь идет о сочинениях Хименеса де Кесады и Хуана де Кастельяноса).

Еще одна проблема — индейская составляющая (в частности чибча) в формировании колумбийской нации. Рестрепо заявляет, что «неверно считать, что муиски — основа колумбийской нации, так как на момент прихода испанцев они были лишь одной из многочисленных индейских

групп, населявших территорию современной Колумбии» и не могли существенно повлиять на процесс складывания нации. Грубой ошибкой было бы полагать, что до Конкисты индейцы чибча населяли всю территорию современной Колумбии: «эта территория была заселена множеством племен, большинство из которых не имело никаких тесных отношений друг с другом и, как следствие, не имело сколько-нибудь существенных культурных сходств»³².

Важно бы отметить отношение автора к проблеме взаимоотношений и сравнения чибча с их соседями: Рестрепо утверждает, что еще с древнейших времен чибча «заметно отличались от всех окружавших их племен и наций: они создали единообразное общество, состоящее из небольших «территорий-государств» (estados), которые сейчас мы назвали бы вожествами, независимых друг от друга, но объединенных языком, верованиями, традициями и законами»³³.

Другая важная проблема — оценка уровня развития автохтонного населения накануне Конкисты. Иначе говоря, Рестрепо пытается ответить на вопрос, находилось ли общество муисков в начале XVI в. на пике развития или же, наоборот, было в упадке. Прежде всего, он оспаривает мнение Серды о существовании некой дочибчианской цивилизации, которой чибча обязаны своими достижениями³⁴. Эти достижения, по мнению Серды, померкли, так как цивилизация чибча была ослаблена постоянными территориальными конфликтами. Рестрепо возражает, что в XV в. эта цивилизация достигла апогея и стремилась к объединению и централизации зависимых от нее территорий. Ссылаясь на сочинение Акосты, Рестрепо делает вывод о том, что, если бы не приход испанцев и Конкиста, чибча полностью подчинили бы себе территории к северу и западу, значительно увеличив свои земли. В качестве логического завершения Рестрепо дает общую характеристику современным ему потомкам индейцев чибча, полагая, что они являются «важным элементом формирования Нации»³⁵.

Одним словом, ученый идеализировал образ индейской общины, которой чужды «дух восстания» и «зависть, порождаемая различиями между расами». Индейцы для Рестрепо — это дисциплинированные солдаты, граждане, покорные властям, выносливые и отважные земледельцы. Он требовал от правительства изменения политики по отношению к индейцам в целях поднятия их интеллектуального и нравственного уровня.

XIX в. сыграл огромную роль в развитии историографии муисков и стал переходным этапом между колониальной литературой (хрониками и сообщениями) и профессиональной научной литературой XX в. Именно в этот период сформировались основы историографии и обозначились доминирующие проблемы изучения и даже подходы к реконструкции прошлого.

Первая половина XIX в., несмотря на явный интерес креольской интеллигенции к индейскому вопросу и общей заинтересованности в изучении культуры аборигенов, не отмечена большим количеством работ по данной проблематике. Дело не только в том, что социально-политическая ситуация была крайне нестабильной, но и в том, что для большей части населения Новой Гранады прошлое представляло собой два последовательных процесса: образование колонии и их борьба за независимость. Поэтому неудивительно, что в первой половине XIX в. исследованием культур абориге-

нов занимались в основном иностранцы. Осознание ценности доиспанской истории приходит постепенно и напрямую связано с успехом Войны за независимость и образованием национального государства. Когда колумбийская интеллигенция перестала идентифицировать себя исключительно с европейской культурой и заинтересовалась собственной историей, страницы индейского прошлого стали объектом изучения многих энциклопедистов.

Несмотря на то, что среди ученых, внесших наибольший вклад в развитие колумбийской историографии чибча (Акоста, Урикоичеа, Серда, Рестрепо) преобладали консерваторы (либералами были Урикоичеа и авторы-романтики начала века), в их работах прослеживается влияние романтизма. Все эти авторы были склонны идеализировать индейскую культуру, и даже те, кто боролся с «чрезмерным восхвалением» (Висенте Рестрепо), не были чужды романтизации образа индейца. Причиной подобного подхода именно к этой культуре, видимо, было то, что в XIX в. колумбийское общество переживало кризис идентичности. Образование независимого государства повлекло за собой формирование единой нации и ее самосознания. Эти процессы стали причиной зарождения колумбийского национализма. На историографию муисков данное идеологическое течение имело огромное влияние, так как многие исследователи полагали, что чибча-муиски как самая развитая индейская культура Колумбии могут стать (или уже стали) базой или важным элементом формирующейся нации. Проблема роли индейской составляющей в современном обществе была прямым отражением позиции авторов по вопросу оценки этой культуры: если культура оценивалась высоко, то автор полагал, что она активно и плодотворно инкорпорируется в современное общество, и колумбийская нация наследует многие (положительные) черты сообщества чибча.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ G. X i m e n e z d e Q u e z a d a. Epítome de la Conquista del Nuevo Reino de Granada, 1547—1972; G. F e r n a n d e z d e O v i e d o y V a l d e z. Historia General y Natural de las indias, Islas y Tierra Firme del mar Océano, 1548—1959; J. d e C a s t e l l a n o s. Historia del Nuevo Reino de Granada. — Elegías de Varones Ilustres de indias, 1601—1955; P. S i m o n. Noticias Historiales de las Conquistas de Tierra firme en las Indias Occidentales, 1625—1981; J. R o d r i g u e z F r e y l e. El Carnero. Conquista y Descubrimiento del Nuevo Reino de Granada y Fundación de la ciudad de Santa Fé de Bogotá, 1636—1982; L. F e r n a n d e z d e P i e d r a h i t a. Noticia Historial de las Conquistas del Nuevo Reino de Granada, 1666—1973; P. d e A g u a d o. Recopilación Historial, 1851—1956.

² J. D. D u q u e s n e. Disertación sobre el calendario de los muiskas, indios naturales de este Nuevo Reino de Granada, dedicada al Sr. D. D. José Celestino Mutis, Director General de la Expedición Botánica por S. M. — J. A c o s a. Compendio histórico del descubrimiento y conquista de La Nueva Granada en el siglo décimo sexto. París, 1848, p.405—417.

³ Висенте Рестрепо называл последователей Доминго Дукесне «школой Дукесне»

⁴ C. H. L a n g e b a e k. La élite no siempre piensa lo mismo. — Muiscas: representaciones, cartografías y etnopolíticas de la memoria. Bogotá, 2005.

⁵ Ibid., p. 186.

⁶ A. d e H u m b o l d t. Le voyage aux régions équinoxiales du Nouveau Continent. París, 1807; H. P a r a v e y. Memoria sobre el origen japonés, árabe o vizcaíno de los pueblos de Bogotá. París, 1834.

⁷ C. H. L a n g e b a e k. Op. cit., p. 183.; R. L l e r a s. Los Muiscas en la literatura histórica y antropológica. — Boletín de historia y antigüedades, 2005, vol. XCII N 829, p. 310.

⁸ R. L l e r a s. Op. cit., p. 311.

- ⁹ J.A c o s t a. Compendio histórico del descubrimiento y colonización del Nuevo Reino de Granada en el siglo decimosexto. París, 1848.
- ¹⁰ W.H.P r e s c o t t. History of the conquest of Peru, with a preliminary view of the civilization of the incas. Paris, 1847.
- ¹¹ C.H.L a n g e b a e k. Arqueología colombiana: ciencia, pasado y exclusión. Bogotá, 2004. p.83—84; J.O.M e l o. Historiografía colombiana: realidades y perspectives. Bogotá, 1996, p. 115.
- ¹² J.O.M e l o. Ibidem.
- ¹³ Ibid., p. 116.
- ¹⁴ J.A c o s t a. Op. cit.
- ¹⁵ C.H.L a n g e b a e k. Arqueología colombiana: ciencia, pasado y exclusión.
- ¹⁶ E.U r i c o i c h e a. Memoria de las Antigüedades Neogranadinas. Bogotá, 1854; e r o ж e. Gramática, vocabulario, catecismo y confesionario de la Lengua chibcha. Bogotá, 1871.
- ¹⁷ E.U r i c o i c h e a. Op.cit., p. 16.
- ¹⁸ J.A c o s t a. Op. cit., p.130; E.U r i c o i c h e a. Op.cit., p. 18.
- ¹⁹ E.U r i c o i c h e a. Ibidem.
- ²⁰ L.Z e r d a. El Dorado, Estudio Histórico, Etnográfico y Arqueológico de los Chibchas, habitantes de la antigua Cundinamarca, y de algunas otras tribus. Bogota, 1883.
- ²¹ Ibidem.
- ²² Ibid., p. 8.
- ²³ Ibid., p. 15.
- ²⁴ Ibid., p. 20.
- ²⁵ Ibid., p. 16.
- ²⁶ Ibid., p. 60.
- ²⁷ V.R e s t r e p o. Estudio sobre las minas de oro y plata de Colombia. Bogotá, 1888.
- ²⁸ V.R e s t r e p o. Crítica a los trabajos arqueológicos del Dr. José Domingo Duquesne. Bogotá, 1892.
- ²⁹ V.R e s t r e p o. Los chibchas antes de la conquista española. Bogotá, 1895, p. 150.
- ³⁰ Ibid., p. 156.
- ³¹ Ibid., p. 158.
- ³² Ibid., p. 151.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ Ibidem..
- ³⁵ Ibidem.